

или ссылки, ученый в некоторых отношениях пострадал даже серьезнее, чем другие проходившие по данному делу.

Если Г. А. Ильинский и А. М. Селищев и в лагере продолжали оставаться членами-корреспондентами Академии наук⁹, то М. Н. Сперанский вскоре после своего осуждения был (как и В. Н. Перетц — 22 декабря 1934 г.) исключен из академии. Если В. В. Виноградов за время ссылки смог издать две книги, то М. Н. Сперанский после 1934 г. больше не увидел ни одной своей публикации. Уже к моменту ареста Сперанский нигде постоянно не работал и лишь получал академическую пенсию, после же исключения из числа академиков и прекращения гонораров за публикации ученый остался без средств к существованию, лишь помощь брата позволяла как-то жить. М. Н. Сперанскому пришлось начать переговоры о продаже библиотеки. У его родственников сохранился датированный 14 мая 1935 г. договор между профессором (уже не академиком) М. Н. Сперанским и и. о. директора Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ) М. И. Суслиным, в соответствии с которым Сперанский продавал институту за 12 тысяч рублей (исходя из средней цены по 2 руб. 50 коп. за книгу, 22 руб. за папку с брошюрами и оттисками, 30 руб. за альбом) библиотеку из 3.706 томов; 170 книг оставлялось ученому в пожизненное пользование.

Тем не менее М. Н. Сперанский продолжал работать. За четыре последних года жизни он написал восемь значительных научных работ, в том числе две книги «Рукописные сборники XVIII века» и «Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков» (завершена 18 февраля 1937 г.). Но работа «в ящик», видимо, не давала полного удовлетворения бывшему академику. Человек мастеровитый, он обзавелся верстаком, токарным станком по дереву, всякими инструментами, чередуя физическую работу с научными занятиями. Здоровье его постепенно стало слабеть, и ровно через четыре года после ареста, 12 апреля 1938 г., М. Н. Сперанский умер.

Судьба наследия ученого не была легкой и после его смерти. Вплоть до смерти Сталина его труды не публиковались, если не считать того, что при переиздании в 1941 г. энциклопедического словаря Гранат там сохранилась его статья «Древнерусская литература» (см. список трудов М. Н. Сперанского в [3]). Лишь с 1954 г., прежде всего благодаря усилиям В. Д. Кузьминой, начали вновь публиковаться его работы, в частности, удалось издать большую часть написанного им после 1934 г. Однако доброе имя ученого окончательно не удалось восстановить даже в те годы. В 1964 г. были реабилитированы осужденные в марте 1934 г. по «делу „Российская национальная партия“» (из 33 человек к тому времени в живых оставалось лишь семеро), но М. Н. Сперанский и В. Н. Перетц по каким-то причинам в их число не попали, хотя в реабилитационном деле фигурирует и справка на имя Сперанского. Не был ученый посмертно восстановлен и в числе академиков. Вероятно, по этой причине даже в 1976 г. в третьем издании Большой советской энциклопедии не оказалось статьи о М. Н. Сперанском, хотя во втором издании энциклопедии в 1957 г. такая статья была.

М. Н. Сперанский пытался опубликовать свои работы, написанные после 1934 г. В Архиве РАН в фондах В. И. Вернадского и А. И. Яковлева сохранились его письма об этом, относящиеся к последним месяцам его жизни: с декабря 1937 г. по март 1938 г. (письма М. Н. Сперанского В. И. Вернадскому см. ф. 518 (В. И. Вернадский), оп. 3, дела 1548 и 1550; письма М. Н. Сперанского А. И. Яковлеву см. ф. 665 (А. И. Яковлев), оп. 1, д. 472). Помочь М. Н. Сперанскому вызвался член-корреспондент АН СССР А. И. Яковлев, сам лишь незадолго до этого вернувшийся в Москву после ареста и ссылки по «академическому делу» 1930 г. В письме от 25.01.1938 г. Михаил Несторович называет А. И. Яковлева «своим любезным „ходатаем“ по делам».

⁹ Оба были лишены этого звания вместе с другими «врагами народа» уже в апреле 1938 г., Ильинский посмертно, а Селищев как раз тогда, когда вернулся из заключения и снова начал работать.